

Алексей Будищев

Собачья жизнь

Алексей Николаевич Будищев

Собачья жизнь

Аннотация

«Лакей Никифор, по-стариковски шмыгая ногами, и чувствуя сердцем беду, явился на зов в кабинет; Барышников поглядел на него искоса, недружелюбно, и сказал ему:

– Видишь ли, Никифор, я бы с тобой не расстался, хотя ты и стар и очень нерасторопен, но твоя собака, Никифор, – она меня просто с ума сводит!...»

Алексей Будищев

Собачья жизнь

Лакей Никифор, по-стариковски шмыгая ногами, и чувствуя сердцем беду, явился на зов в кабинет; Барышников поглядел на него искоса, недружелюбно, и сказал ему:

– Видишь ли, Никифор, я бы с тобой не расстался, хотя ты и стар и очень нерасторопен, но твоя собака, Никифор, – она меня просто с ума сводит!

Барышников растопырил руки с красными ладонями, посмотрел на нос Никифора и истерично вскрикнул:

– Это какой-то черт, а не собака! Сегодня она вылакала сливки, а вчера съела на кухне яйца!

Никифор угрюмо ответил:

– Яйца скотница съела, а не Венерка.

– Это полсотни-то яиц скотница съела? – переспросил Барышников.

– Съела, – угрюмо повторил Никифор и добавил:

– А сливки усохли.

Все лицо Барышникова перекошилось язвительной гримасой.

– Усохли? – переспросил он.

– Усохли, – повторил Никифор, угрюмо.

Барышников сокрушенно вздохнул.

– Одним словом, вот что, Никифор, – сказал он, – при-

страивай свою собаку, куда хочешь. Хочешь, отдай кому-нибудь, хочешь – пристрели, но только держать тебя с собакой я не стану.

– На то есть воля ваша, – заметил Никифор.

– Да на что тебе собака? – продолжал Барышников, поглядывая куда-то в потолок, – она стара, глуха, глупа, неряшлива и непригодна ни для какой охоты.

– Собака хорошая, это вы напрасно, – возразил Никифор.

Барышников хотел было его перебить, но Никифор упрямо продолжал:

– Собака – деликатная, приятная, послушная, чистых кровей; такую собаку любой, кому не надо, возьмет, и пристреливать ее не к чему!

Никифор сердито повернулся, вышел из кабинета, прошел в свой угол под лестницу и злобно плюнул.

– Тьфу, – проговорил он, – скотницы яйца жрут, а собака отвечай. Господа, нечего сказать!

На его лице отразилось брезгливое чувство ко всем вообще господам. Он покачал головой и, присев тут же, под лестницей к своему сундучку, стал перебирать разный хлам: старое платье, сапожную щетку, жестянку из-под монпансье, две перчатки с левой руки. Венерка лежала здесь же, у сундука, свернувшись в клубок, и при взгляде на ее поседевшие щеки Никифор внезапно, вспомнил, что ей уже двадцать лет.

«Стара делается, – подумал он с тоской, – глупеет; блудить стала». Он вздохнул. Ему стало до боли жалко кого-то.

С рассеянным видом долго он сидел у своего сундучка, поглядывая на спящую Венерку и соображая, сколько же ему лет, если и его Венерке уже двадцать. По его соображениям, ему выходило под шестьдесят. Это его точно придавило. Внезапно ему пришло в голову, что барин не хочет его держать, вот именно за то, что он, Никифор, делается негодным и старым, а Венерка – это только пустая отговорка. Он снова вздохнул и снова с рассеянным видом стал рыться в своем сундучке. Он нашел там фотографию какого-то архиерея и силача из цирка, колесико от шпоры и две книги: роман «Липкая» и «Ха-ха-ха или тысяча анекдотов». Но все это его нисколько не утешило. С сердитым видом он захлопнул сундучок, прошел в кабинет и спросил у Барышникова отпуск на весь день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.